

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800019460-2

Этот сильный свистящий: о морфологическом потенциале фонемы *s* в шведском языке

© 2022 г. Е. М. Чекалина

Доктор филологических наук,
заведующая кафедрой германской и кельтской филологии
филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
etch1@yandex.ru

Резюме. Фонетически сильный свистящий *s* активно используется в словоизменительной морфологии и связанных с ней словообразовательных моделях шведского языка. В парадигме имени *-s* является агглютинативным показателем падежной формы генитива и восходящим к нему соединительным согласным в значительной части композитов, а в глагольной парадигме — показателем синтетической формы пассива и производных от именных основ депонентных глаголов с инактивной залоговой семантикой. Использование конечного *-s* наблюдается и в других морфологических моделях. В неатрибутивных функциях давно употребляется не вошедшая в литературную норму вариативная форма причастия 1 с морфемой *-s*, возникшая по аналогии с наречиями, образованными от именных словосочетаний с показателем генитива. Конечный *-s* широко представлен также в словообразовательной структуре ряда других лексем и устойчивых словосочетаний с адвербиальной семантикой. Все большее распространение в шведском языке получает заимствование английских существительных с показателем множественного числа *-s*, позволяющее видеть в этом тенденцию к образованию нового класса склонения. В ряде лексем происходит морфологическое переразложение, в результате которого английский словоизменительный показатель становится исходом основы шведской лексемы. Это способствует просодической ассимиляции, позволяющей сохранить краткость ударного гласного, прикрытого сочетанием конечного согласного + *s*. Таким образом, фономорфология выявляет сложные внутрисистемные связи между словоизменением и словообразованием, не всегда поддающиеся жесткому разграничению.

Ключевые слова: шведский язык, фономорфология, глухой свистящий, словоизменительная морфема, словообразовательная модель, просодическая ассимиляция.

Для цитирования: Чекалина Е.М. Этот сильный свистящий: о морфологическом потенциале фонемы *s* в шведском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 71–77. DOI: 10.31857/S160578800019460-2

This Strong Sibilant: on the Morphological Potential of the Phoneme *s* in Swedish

© 2022 Elena M. Chekalina

Doct. Sci. (Philol.),
Head of the Department of Germanic and Celtic Philology at Philological Faculty,
Moscow State Lomonosov University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
etch1@yandex.ru

Abstract. The phonetically strong whistling *s* is widely used in the inflectional morphology as well as in the word-formation patterns of the Swedish language that are connected with the former. In the noun paradigm *-s* is the agglutinative marker of the genitive case and derivatively a connective consonant found in a considerable number of compounds. In the verbal paradigm it is the marker of the synthetic form of the passive and of the deponent verbs with inactive voice semantics derived from nominal bases. The use of the final *-s* can be observed in some other morphological models too. A variant form of participle 1 that has developed by analogy with adverbs derived from nominal phrases with the genitive marker, has long existed in the language, though it failed to get the status of the literary norm. The final *-s* is widely represented in the word-formation structure of a number of other lexemes and fixed phrases with adverbial semantics. The ever-growing number of English nouns with the plural marker *-s* borrowed by Swedish suggests a tendency towards the formation of a new declension type. A number of lexemes have undergone the process of metanalysis, whereby *-s* has become the final sound of the Swedish lexeme. This contributes to prosodical assimilation, allowing to preserve the short vowel, protected by the final consonant *+s*. Thus phonomorphology reveals the complex intrasystemic links between inflection and word-formation, although there are cases where the boundaries become blurred.

Key words: Swedish, phonomorphology, voiceless whistling, inflexional morpheme, word-formative pattern, prosodic assimilation.

For citation: Chekalina, E.M. *Etot silnyj svistyashchij: o morfologicheskom potentsiale fonemy s v shvedskom yazyke* [This Strong Sibilant: on the Morphological Potential of the Phoneme *s* in Swedish]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 2, pp. 71–77. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800019460-2

В системе шведского консонантизма сильные в германских языках глухие составляют преобладающее большинство. Звонкие соответствия имеют смычные *p*, *t*, *k*, а среди фрикативных только *f* образует минимальную пару с изначально полугласным и потому фонетически слабым *v*. Остальные представлены только глухими — ларингальным *h* и шипящими *ç* и *j*, которые появились в XVI–XVII вв. в процессе палатализации глухих смычных перед гласными переднего ряда и *j*:

ç < *k* перед *i*, *e*, *y*, *æ*, *ø*, а также в сочетаниях *kj*, *tj* перед другими ударными гласными;

j < *sk* перед теми же гласными, а также в сочетаниях *skj*, *stj* — во всех случаях при участии начального *s*.

Сам свистящий *s*, также не имеющий звонкого соответствия, является фонетически сильным, оглушая или ассимилируя другие звуки в группах согласных не только внутри и на стыке морфем, но и на стыке слов. В то же время он активно используется в словоизменительной морфологии и связанных с ней словообразовательных моделях. В парадигме существительного *-s* служит агглютинативным показателем падежной формы генитива и восходящим к нему соединительным согласным в значительной части композитов; ср., например, *att se dagens ljus* ‘появиться на свет’ (букв. ‘увидеть свет дня’) / *dagsljus* ‘дневной свет’. В глагольной парадигме *-s* является показателем синтетической формы пассива и производных от именных основ депонентных глаголов с инактивной залоговой семантикой: *att hitta* ‘найти’ — *hittas* ‘найтись, быть найденным’;

en lycka ‘счастье’ — *att lyckas* ‘посчастливиться’. В словоформах имени и глагола *-s* помещается в конце, замыкая цепочку агглютинативных показателей других грамматических категорий: *dag-ar-na-s* ‘дней’; *hitta-de-s* ‘нашлось, было найдено’, *lycka-de-s* ‘посчастливилось, удалось’. Однако морфологический потенциал глухого свистящего, обусловленный его фонетической силой, в действительности оказывается значительно шире.

1. Вариативная форма причастия 1 с конечным *-s*.

В шведском языке давно отмечено употребление не вошедшей в литературную норму вариативной формы причастия 1 на *-s*, которая используется в неатрибутивных функциях. Шведские языковеды объясняют её образование (по модели *gående* ‘идущий’ + *-s*) аналогией с морфологической структурой наречий места, направления и образа действия, также с конечным *-s* после безударного *e*. Сами наречия возникли в результате лексикализации устойчивых словосочетаний с формой генитива, показатель которой стал полусуффиксом:

avsides ‘в стороне, в сторону’ (*av* ‘от’ + *en sida* ‘сторона’);

utrikes ‘за границей, за рубежом, за границу, за рубеж’ (*ut* ‘наружу’ + *ett rike* ‘государство’);

baklänges ‘против движения, навзничь (на спину)’ (*en bak* ‘зад’ + форма аккузатива дршв. *ett länge* ‘длина’) [1, с. 68].

(О словообразовательной структуре наречий и устойчивых словосочетаний с конечным *-s* см. подробнее в следующем разделе.)

В письменных текстах XVI–XVII вв. употребление причастия 1 на *-s* в адвербиальных функциях преобладало. К концу XVIII в. в процессе языкового нормирования оно было устранено из письменной речи, и единственно правильной в литературном языке стала основная форма, независимо от синтаксической функции причастия. В современном шведском языке причастия 1 с конечным *-s* используются преимущественно в устной речи, реже в неформальных письменных текстах. Как отмечают авторы книги о вариативности шведского языка конца XX – начала XXI в. в соотношении с литературной нормой, в письменной речи наиболее употребительны формы *gåendes* (от *gå* ‘идти’), *sjungandes* (от *sjunga* ‘петь’), *sittandes* (от *sitta* ‘сидеть’); однако в прессе и они встречаются на два порядка реже, чем стандартная форма [1, с. 68].

Об относительной частотности употребления этих и некоторых других причастий в прессе свидетельствуют данные из Корпуса современного шведского языка, составляемого на Отделении компьютерной лингвистики Гётеборгского университета [2]: *sittandes* – 358 (1994–2017)¹, *hängandes* – 180 (1989–2017), *springandes* – 178 (1994–2017), *gåendes* – 141 (1994–2017), *sjungandes* – 139 (1987–2017), *gråtandes* – 52 (2001–2017), *cyklandes* – 33 (1994–2013). Данные из того же источника об употребительности в социальных сетях, в значительно большей степени отражающие тенденции разговорной речи, выглядят несколько иначе, что обусловлено тематикой личного общения: *sittandes* – 34500 (1998–2017), *hängandes* – 15369 (1999–2017), *springandes* – 12557 (2001–2017), *gråtandes* – 11351 (2000–2017), *gåendes* – 6976 (2005–2017), *sjungandes* – 2119 (2005–2017), *cyklandes* – 1442 (2005–2014).

Вариативные формы на *-s* особенно часто встречаются в предикатах с глаголами *komma* ‘прибывать’ и *bli* ‘становиться’ при одушевленном субъекте в составе устойчивых словосочетаний с аспектуально-акциональной семантикой [3, с. 618–619]. Конструкции с *komma* и причастием 1 от глаголов движения обозначают способ появления движущегося субъекта: *Varje morgon*

kommer han gåendes till domstolen (Webb 2012)² ‘Каждое утро он пешком приходит в суд’; *Janne kom cyklandes och stannade där* (Bl. 2009) ‘Янне приехал на велосипеде и остался там’. Конструкции с *bli* и причастием 1 от глаголов положения в пространстве имеют делимитативную семантику ограниченной длительности процесса: *Nu blir jag sittandes här ett tag till* (Bl. 2003) ‘Сейчас я еще немножко посижу здесь’; *Man kan bli sittandes i timmar och läsa och titta på bilder* (Bl. 2008) ‘Можно часами просиживать, читать и рассматривать картинки’.

Форма с конечным *-s* употребляется также в адвербиальной функции субъектно-предикативного определения в постпозиции к финитному глаголу: *På amerikanskt vis pratar aktörerna gåendes* (Webb 2012) ‘На американский манер актеры разговаривают на ходу’; *Hon ringer mig cyklandes* (Bl. 2009) ‘Она звонит мне, сидя за рулем велосипеда’. В отличие от рассмотренных выше употреблений в предикатах с глаголами *komma* и *bli* здесь причастие встречается при глаголах различной семантики, не образуя грамматически устойчивую конструкцию, и имеет самостоятельную синтаксическую функцию второстепенного члена предложения.

Вариативная форма встречается также при выражении вторичной предикации в составе распространенного компонента глагольного типа обособленного причастного оборота с обстоятельственной семантикой: *Inte sällan har de ett möte gåendes i korridoren, på väg från ett möte till ett annat* (Webb 2011) ‘Нередко они проводят совещание в коридоре, по пути (букв. идя) с одного совещания на другое’; *Så ångrade jag mig gråtandes och lidandes i månader* (Bl. 2000) ‘Так я раскаивалась, месяцами плача и страдая’. Возможно также объектно-предикативное употребление в составе распространенного постпозитивного определения: *En polis ser en gammal gumma gåendes på gatan* (Bl. 2007) ‘Полицейский видит старушку, идущую по улице’; *Den här koftan fann jag hängandes* (Bl. 2006) букв. ‘Эту кофту я обнаружила висящей’. Важно подчеркнуть, что во всех случаях при употреблении формы на *-s* в причастии реализуется процессуальная семантика, подчеркивающая его парадигматическую связь с исходной глагольной лексемой. Тем самым конечной морфемой *-s* эксплицируется дополнительный грамматический признак “неатрибутивности”, проявляющийся и в адвербиальной семантике, и в синтаксических

¹ В скобках приводятся временные рамки зафиксированных в Корпусе словоупотреблений.

² Здесь и ниже даются сокращения, указывающие на источники примеров из социальных сетей, и даты их употребления (Webb – интернет-издание, Bl. – блог персонального пользователя).

функциях, который не зафиксирован в системе и норме.

Причастия 1 от депонентных глаголов со словообразовательным возвратным показателем, подобно русским возвратным глаголам с частицей *-ся*, возможны только в форме с конечным *-s*. В шведском языке в отличие от русского они употребляются, однако, только с адвербиальной семантикой: *färdandes* ‘(находясь) в пути, поездке’ (*färdas* ‘совершать поездку’, *en färd* ‘поездка’), *låtsandes* ‘притворяясь/притворившись’ (*låtsas* ‘притворяться’), *minnandes* (*minnas* ‘помнить’, *ett minne* ‘память, воспоминание’; ср. рус. *помниться*, а также отыменным глагол *запоминать* и деепричастие *памятуя*).

Образованные по той же модели от депонентных и некоторых других глаголов лексемы с отрицательным префиксом *o-*, характерным для именных частей речи и отыменных производных, также употребляются только в адвербиальных синтаксических функциях. При этом они не реализуют синтаксическую валентность исходного глагола, не образуют словосочетаний, распространенных второстепенными компонентами глагольного типа, и фактически перешли в разряд наречий: *olovandes* ‘без разрешения’ (от глагола *lova* ‘обещать’), *oförhoppandes* ‘случайно, неожиданно, вдруг’, диал. *o(för)hoppandes*, *ohoppandes* (от глагола *hoppas* ‘надеяться’) [4, с. 726].

Морфологическая структура отыменных производных, в том числе с префиксами, не характерными для глагольных лексем, выявляет словообразовательный характер конечного свистящего. Это, свою очередь, свидетельствует о неустойчивом статусе находящейся за пределами литературной нормы вариативной формы причастия 1 в целом. Она “балансирует” между словообразованием и словоизменением, между возникшей по аналогии с наречиями моделью с суффиксом *-s* (изначально показателем генитива) и омонимичным возвратным показателем в отыменных депонентных глаголах и формах синтетического пассива, что находит проявление и в узусе. По данным социолингвистики, вариативная форма причастия 1 с морфемой *-s*, с начала XVIII в. бытующая преимущественно в устной речи, начинает восприниматься современными носителями шведского языка как примета книжной речи. Это объясняется не только общей тенденцией к сближению устной и письменной форм шведского языка, но и возможной реинтерпретацией конечного свистящего в морфологической структуре причастия как показателя пассива на *-s* [1, с. 70], употребление которого, особенно в

инфинитиве, более характерно для данного стилистического регистра письменной речи [5, с. 134].

2. Конечный *-s* в морфологической структуре наречий и союзов с адвербиальной семантикой.

Значительную долю шведских наречий — не гомотипного как по лексической семантике, так и по морфологической структуре класса — составляют слова, образованные в результате лексикализации устойчивых словосочетаний с формой генитива существительных [3, с. 631–633]. Первыми компонентами таких наречий могут быть —

простые и составные предлоги с пространственным значением:

inombords ‘на борту, на борт’ (*inom* ‘от’ + *ett bord* ‘стол’, уст. ‘борт’), *utomlands* ‘за границей, за рубежом, за границу, за рубеж’ (*utom* ‘вне, за пределами’ + *ett land* ‘страна’), *medsols* ‘по часовой стрелке’ (*med* ‘с’ + *en sol* ‘солнце’);

местоименные основы:

annanstans ‘где-нибудь в другом месте, куда-нибудь в другое место’ (*annan* ‘другой’ + *en stad* ‘место’), *halvvägs* ‘на полпути’ (*halv* ‘половинный’ + *en väg* ‘путь, дорога’), *nästgårds* ‘по соседству, рядом, близко’ (*näst(a)* ‘следующий’ + *en gård* ‘двор, усадьба’);

местоименные или субстантивные основы в сочетании с формами генитива существительных *en del* ‘часть, доля’, *ett led* ‘путь’, *ett tal* ‘число’, превратившись в полусуффиксы:

särdeles ‘особенно’ (уст. *sär* ‘особый, отдельный’), *således* ‘таким образом’ (*så* ‘так’), *likaledes* ‘так же’ (*lika* ‘одинаковый’), *landledes* ‘по суше, сухопутным путем’, *ävenledes* ‘в той же мере’ (*även* ‘также’), *milts* ‘милями’ (*en mil* ‘шведская миля’).

Показатель *-s* представлен также в морфологической структуре фразеологических словосочетаний с семантикой места и направления, в состав которых входит предлог *till*, употреблявшийся при четырехпадежной парадигме именного склонения в древнешведском с формой генитива:

till bords ‘за столом, за стол’, *till sängs* ‘в постели, в постель’, *till havs* ‘в море’, *till lands* ‘на суше, по суше, на сушу’, *till sjöss* ‘морем, по морю, в море’.

В последнем случае особенно показательно сокращение долгого корневого гласного, прикрытого геминатой *-ss* в результате фонетического усиления. Аналогичная особенность наблюдается также при образовании наречия с модальной семантикой *förstås* /*förstos*:/ ‘разумеется’ от презентной формы глагола с долгим корневым гласным в пассиве на *-s* *förstå-s* /*försto-s*/ ‘понимается’. Экспрессивное удлинение конечного свистящего, выступающее здесь и как средство снятия грамматической омонимии, зафиксировано в вариативном написании *förståss*, которое не допускается литературной нормой, но активно

используется в социальных сетях, по данным Корпуса современного шведского языка [2].

В словообразовательной структуре наречий возможен также конечный *-s*, не являющийся показателем генитива. Они представлены двумя высокопродуктивными моделями с полусуффиксом *-vis* (от существительного *ett vis* ‘способ, образ действия’):

наречиями с модальной семантикой, образованными из словосочетаний с согласуемой формой среднего рода прилагательных, показатель которой *-t* сохранился в морфологической структуре слова: *lyckligtvis* ‘к счастью’, *möjligtvis* ‘возможно’, *naturligtvis* ‘естественно’;

наречиями с семантикой образа действия, первый компонент которых выражен субстантивной основой, представленными в двух вариантах:

1) без соединительной морфемы: *bitvis* ‘кусками, частями’ (*en bit* ‘кусочек’), *gradvis* ‘постепенно’ (*en grad* ‘степень’), *stötvis* ‘толчками’ (*en stöt* ‘толчок’);

2) с соединительной морфемой *-s*, использование которой обусловлено фономорфологическими факторами: *förhoppningsvis* ‘с надеждой, хотелось бы надеяться’ (*en förhoppning* ‘надежда’), *försöksvis* ‘в качестве пробы, эксперимента’ (*ett försök* ‘попытка’), *ryktesvis* ‘по слухам’ (*ett rykte* ‘слух, молва’), *teskedvis* ‘чайными ложками’ (*en tesked* ‘чайная ложка’). В последнем случае, как представляется, можно с некоторой осторожностью рассматривать *s* и как средство фонетического повтора, своего рода морфологическую аллитерацию в словообразовательной структуре слова.

Конечный свистящий, изначально показатель генитива, входит также в структуру подчинительного союза *tills* ‘до тех пор, пока’, зафиксированного еще в древнешведском как результат стяжения устойчивого словосочетания *til þæs*, совр. *till dess* ‘до (э)того’ с предлогом *till* и формой генитива указательного местоимения среднего рода *det* ‘это’³. В составе устойчивых адвербиальных конструкций *tills* употребляется как “псевдопредлог” в словосочетаниях с наречиями: *tills nu* ‘доныне’, *tills imorgon* ‘до завтра’ и даже с предложно-именными словосочетаниями *tills på måndag* ‘до понедельника’ (и с названиями других дней недели). Особенно интересно в контексте обсуждаемого, однако, то, что конечный *-s* возможен также в словообразовательной структуре служебных слов

с темпоральной семантикой, никак не связанных семантически с показателем генитива ни в диахронии, ни в синхронии. Такое употребление по аналогии с *tills* зафиксировано в разговорной речи у подчинительных союзов с темпоральной семантикой *förrän* ‘прежде чем’ и *medan* ‘пока, в то время как’: *förrns*, *medans* [1, с. 72]. Можно предположить, что это связано не только с аналогичными процессами в морфологической структуре слов с адвербиальной семантикой, но и с особенностями шведской фономорфологии конца слова, которые особенно заметно проявляются в материале следующего раздела.

3. Лексикализация английских форм множественного числа существительных.

Одним из проявлений сильного английского влияния на шведский язык с начала XIX в. является ассимиляция заимствованных существительных в формах множественного числа. Активное использование английского показателя в современном шведском языке по модели *en airbag* — *airbags* (1979)⁴, *en workshop* — *workshops* (1980) и его распространение на отдельные лексемы, заимствованные из немецкого языка, дает основание авторам авторитетных шведских грамматик говорить о появлении нового седьмого класса склонения существительных [3, с. 79–81]; [6, с. 64–65]. В то же время в ряде лексем происходит морфологическое переразложение, в результате которого английский словоизменительный показатель *-s* становится исходом основы шведской лексики. Как показывают даты заимствований, эта тенденция устойчиво сохраняется в исчисляемых существительных с различной родовой принадлежностью, обусловленной как лексическим значением, так и фономорфологией конца слова. К ним относятся:

обозначения парных предметов — *en pyjamas* (1903) ‘пижама’, *ett clips* (1950) ‘клипс(а)’;

мелкой выпечки и чипсов — *ett kex* (1823) ‘(одно) печенье’ (от англ. *cakes*); *ett scones* (1911) ‘(сдобный) хлебец’; *en (ett) muffins* (1913) ‘маффин, небольшой кекс с начинкой’; *ett chips* (1962) ‘чипс’;

некоторые другие, в основном конкретно-предметные слова — *en räls* (1890) ‘рельс’ (от *rails*), *ett odds* (1904) ‘котировка ставки’, *en keps* (1910) ‘кепка’ (от *caps*), *ett tips* (1927) ‘(практический) совет’, а также отдельные одушевленные существительные — *en bebis* (1901) ‘младенец, грудной ребенок’ (от *babies*), *ett mods* (1964) ‘панк’.

В морфологической структуре обиходно-разговорного варианта *bebis* от англ. *baby*

³ В шведских текстах XVI–XVII вв. он встречался в орфографических вариантах *thes* (1597), *tess* (1688), *tils* (1658), *tis* (1697, разг.) [4, с. 1184].

⁴ Здесь и далее приводятся даты первого употребления лексемы по данным Словаря шведской Национальной энциклопедии [7].

с не характерным для шведского языка исходом основы -у удачно “совпали” английская форма множественного числа и продуктивная в шведском языке словообразовательная модель с суффиксом *-is*, которая используется при образовании лексем с пейоративной и уменьшительно-ласкательной коннотацией; ср., например, *en kompis* ‘приятель, -ница; друг, подруга’ [5, с. 108]; [8, с. 95].

Морфологическое переразложение при ассимиляции английских существительных в формах множественного числа во многом обусловлено функционально-семантическими особенностями, которые определяются свойствами денотатов, поскольку наиболее значительную их часть составляют лексемы, употребляемые часто или преимущественно с собирательным значением [9, с. 72]. Даже заимствованное название головного убора *keps* шведские исследователи объясняют тем, что оно изначально вошло в обиход в сфере торговли, где использовалось при закупке партии товара, а не покупке единичного предмета [9, с. 72]. Особая “уникальность” ассимиляции этой лексемы стала, по-видимому, причиной того, что шведские исследователи называют все заимствованные из английского существительные с морфологическим переразложением полушутливым композитом *kepsord* [10, с. 136].

Следует принимать во внимание, однако, и фактор фонеморфологии, поскольку большинство таких слов в шведском языке являются односложными с исходом основы на согласный. При этом их английские прототипы имеют фонологическую структуру [C V C], где корневой гласный краткий, как, например, в существительном *cap* /kæp/ [9, с. 74]. В соответствии с просодикой всегда долгого ударного слога в шведском языке корневой гласный в таком случае должен, в отличие от языка-источника, произноситься с фонологической долготой /çæ:p/. Включение английской словоизменительной морфемы *-s* в основу является, таким образом, результатом своего рода *просодической ассимиляции* [11, с. 161]. Это позволяет сохранить в шведском слове краткость гласного перед сочетанием конечных согласных внутри корневой морфемы; ср. шведскую лексему *en käpp* /çæp/ ‘жердь, палка’. Определенную роль играет, возможно, и структура односложного существительного с долгим корневым гласным перед глухим *p*, не характерная для шведской фонотактики. Ср., например, заимствованное в двух орфографических вариантах существительное общего рода *en rap/rapp* [rap], *rapp-en* ‘рэп’ от английского /ræp/ (1983) [12, с. 249] и шведское

существительное среднего рода *ett rapp* [rap], *rapp-et* ‘удар (палкой, хлыстом)’.

Возможно, на процессы переразложения при ассимиляции английских существительных с показателями множественного числа влияет и аналогия с шведскими собирательными существительными, основа которых оканчивается на согласный + *s*, бывший изначально соединительной морфемой в усеченных композитах:

(*ett*) *höns* (до 1520) ‘куры’, в современном языке также пейоративно ‘кура, курица’ (от *en hönsfågel*, *en höna* ‘курица’);

разг. (*en*) *kvinn*s (1897) ‘бабы, бабу́’ (от вышедшего из употребления книжного *en kvinnsperson* ‘лицо женского пола’, *en kvinna* ‘женщина’);

разг. (*en*) *dricks* (1897) ‘чаевые’ (от *drickspengar* (1625), *en dricka* ‘напиток’) [8, с. 176].

Кроме того, показательны также примеры как заимствованных, так и исконных акронимов с кратким корневым гласным, у которых *-s* в исходе основы не обязательно был изначально соединительной морфемой. Так, в существительном *en buss* (1874) ‘автобус’ от *omnibus* (1835, из латыни через французский) ударный гласный *u* для устранения фонологической долготы был “прикрыт” геминатой *ss*. В сокращении *oms* (1941) ‘налог с оборота’, от полного названия *omsättningsskatt* (1902) усечение после начального корневого *s* первого компонента было “поддержано” двойным *s* в середине слова — соединительной морфемой и начальным согласным основы второго компонента. Интересны в этой связи и примеры акронимов, образованных в результате морфемного сокращения обоих компонентов сложного слова:

stins (1891) ‘начальник станции’, от *stationsinspektor* (1857) и *moms* (1965), от *mervärdesskatt* (1962) ‘налог на добавленную стоимость’ с начальным *m* и прочно вошедшим в речевой обиход усеченным прежним названием по существу того же налога *oms*, приведенным выше [6, с. 35].

Сюда же можно, вероятно, отнести и сложно-сокращенный псевдоним популярной шведской эстрадной певицы *Barbro Svensson* (1938–2018) *Lill-Babs* ‘Малышка Бабс’ с аналогичной фонеморфологической структурой второго компонента, где *-bs* — результат стяжения инициалов, в сочетании с аллитерирующим *b* и конечным *-s*, дважды повторенными в её настоящих имени и фамилии.

Можно предположить, что односложные морфемы с кратким корневым гласным и сочетанием согласного с глухим свистящим по модели существительных *en krans* ‘венки’, *ett grums* ‘мут, осадок, отстой’ или с геминатой *ss* в целом характерны для

шведской фонотактики. Среди них много звуко-подражательных лексем, например, междометия *bums* и *vips* (обозначающие неожиданно быстрое и резкое движение) или *yuss* (при выражении утешения), а также междометия и образованные от них существительные *ett klafs* ‘шлепок’, *en puss* ‘поцелуй’.

К словам с аналогичной фонотактикой ударного слога относятся и наречия, возникшие в результате лексикализации форм генитива от некоторых местоименных и именных слов: *alls* ‘совсем, вообще’ (*all* ‘весь’), *dels* ‘отчасти’ (*en del* ‘часть’), *jäms* ‘вровень’ (*jämn* ‘ровный’) [3, с. 631–633].

Все это показывает, что в языке многое кажется причудливым, но является далеко не случайным. Морфологический потенциал конечного *-s* реализуется не только в стандартном словоизменении имени и глагола, но и в различных проявлениях категориального характера. Особенно ярко и интересно это проявляется в вариативных словоизменительных формах — как давно бытующего в узусе причастия I с конечным свистящим, так и частично ассимилированной английской модели множественного числа заимствованных существительных. Словообразовательный потенциал морфемы *-s*, во многом обусловленный ее категориальными словоизменительными функциями, реализуется как в более периферийных и не гомогенных знаменательных или служебных частях речи с адвербиальной семантикой, так и в усеченных субстантивных словах со сложной морфологической структурой. При этом фономорфология становится тем зеркалом, в котором лучше видны характерные для скандинавских языков внутрисистемные связи между словоизменительными и словообразовательными процессами, не всегда поддающимися разграничению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Språkriktighetsboken*. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2005. (In Swedish)
2. <http://spraakbanken.gu.se/> Korp (In Swedish)
3. *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. (In Swedish)
4. *Hellquist E.* Svensk etymologisk ordbok. Band 1–2. Malmö: Gleerups, 1993 (1922, 1939, 1980). (In Swedish)
5. *Thorell O.* Svensk ordbildningslära. Stockholm: Esselte Studium, 1981. (In Swedish)
6. *Hultman T.G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. (In Swedish)
7. *Nationalencyklopedins ordbok*. Band 1–3. Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Höganäs: Bra Böcker, 1995. (In Swedish)
8. *Маслова-Лашанская С.С.* Лексикология шведского языка. Под ред. А.В. Савицкой. 2-е изд., исп. и доп. СПб.: Санкт-Петербургский университет. Филологический факультет, 2011. [Maslova-Lashanskaia, S.S. *Lexikologia shvedskogo jazyka*. Pod red. A.V. Savitskoj [The Lexikology of the Swedish Language. Ed. by Savitskaia, A.V.]. 2nd ed., revised and enlarged. St. Petersburg, University of Saint-Petersburg. Philological faculty Publ., 2011. (In Russ.)].
9. *Ellegård A.* Engelskan i svenskan. Språk i Norden. Nordisk språksekretariats skrifter, 10. Arlöv: Gyldendal, 1989, pp. 67–76. (In Swedish)
10. *Mickwitz Å.* Anpassning i språkkontakt. Morfologisk och ortografisk anpassning av engelska lånord i svenskan. Akademisk avhandling. Nordica. Finska, finskugriska och nordiska institutionen. Helsingfors: Helsingfors universitet, 2010. (In Swedish)
11. *Josephson O.* Prowsy crights eller prausi krajts? Engelskt inflytande, ortografisk norm och språkvårdsideologi. Boken om våra modersmål. Festskrift till Mikael Reuter på hans 60-årsdag den 17 maj 2003. Helsingfors: Schildt, 2003, pp. 156–168. (In Swedish)
12. *Nyordsboken*. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Ordbok, 2000. (In Swedish)

Дата поступления материала в редакцию: 16 января 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 февраля 2022 г.

Статья принята к публикации: 22 февраля 2022 г.

Дата публикации: 30 апреля 2022 г.

Received by Editor on January 16, 2022

Revised on February 17, 2022

Accepted on February 22, 2022

Date of publication: April 30, 2022